

Хотя официальной темой нынешнего бала была «Благотворительность», на деле всё сводилось к ежегодной битве за право блистать на красной дорожке. Ни леденящий холод, ни пронизывающий ветер не могли остановить шествие оголённых плеч и лёгких весенних костюмов — заразительный тренд, которому поддавались даже маститые деятели индустрии и крупные начальники, вынужденные ради моды сбрасывать с себя тёплые слои одежды.

Ши Чжоу потирал руки. Общая гримёрка, в которую его определили, едва ли была тёплой — сюда отправляли тех, кому не хватило престижа для отдельного номера или трейлера для макияжа. Но если у пирамиды есть вершина, значит, где-то должен быть и её основание — здесь, внизу, всё ещё оставались артисты, чья слава не дотягивала до звёздной.

Лицо прежнего владельца тела, и без того годное для «дублёрства», было весьма привлекательным. К тому же Ши Чжоу сознательно отказался от прежнего образа — подчеркнуто женственного, с ярким макияжем — и выбрал лаконичный, сдержанный стиль: бежевый тренч, однотонный свитер с высоким воротом и высокий хвост. В этом облике он выглядел стильно и свежо, излучая уверенность. Без улыбки — внушал уважение, с улыбкой — располагал к себе.

Разумеется, его секретным оружием было термобельё, благодаря которому он избежал тех судорог на лице, что сковывали других. Например, того мужчину, что появился в сопровождении трёх ассистентов — лицо у него было неподвижным от уколов и напоминало только что откопанного зомби.

Но о косметических вмешательствах в индустрии и так всем всё было ясно — тайной это не являлось. Ши Чжоу бы не обратил на него внимания, если бы не исходившее от него невыносимое чувство собственного превосходства. Вместо этого он переключился на переписку с Цинь Яньчэном:

— Господин Цинь, сегодня ужинаете в одиночестве? Одиноко вам? Скучаете по мне невыносимо?

Снаружи толпа толпилась за ограждениями, размахивая неоновыми баннерами. Рядом негромко притормозил неприметный белый «Альфард» с плотно зашторенными окнами.

Внутри машины телефон Цинь Яньчэна завибрировал. Он мельком глянул на экран, затем — на упаковки мягкого печенья рядом. Их оставил Ши Чжоу. Тогда у него в глазах сверкали звёзды, а на лице играла лукавая лисья улыбка, когда он настойчиво сказал:

— Эй, дорогой господин Цинь, я тут купил тебе немного вкусняшек. Если вдруг совсем не будет времени поесть и живот заурчит — съешь хоть что-нибудь.

Цинь Яньчэн не ел сладости и терпеть не мог, когда кто-то проявлял к нему заботу. Но прежде чем он успел холодно, как обычно, отказать, Ши Чжоу уже разорвал упаковку и протянул её:

— Попробуй?

На языке расцвёл вкус — чуть солоноватая морская соль и нежный молочный аромат. Печенье оказалось мягким и рассыпчатым. Цинь Яньчэн встретился взглядом с Ши Чжоу, который с явным удовольствием ждал его реакции. Возможно, воспитание не позволяло ему говорить с набитым ртом. В любом случае, все колкие слова он проглотил вместе с печеньем — и только тихо хмыкнул в знак одобрения.

Ши Чжоу, довольный, продолжил играть на телефоне, небрежно бросив на ходу:

— Я заметил, что ты не любишь сладкое, вот и потратил уйму времени, пока нашёл солёное печенье.

Для избалованного молодого наследника у Ши Чжоу были неожиданно отточенные навыки заботы. Его старший брат тоже был трудоголиком и регулярно страдал от болей в желудке, когда забывал поесть. Так что Ши Чжоу с детства привык рыться в его сумках — проверять, не купил ли тот чего-нибудь интересного, остались ли таблетки, и незаметно подкладывать туда перекусы.

Ради прекрасной внешности Цинь Яньчэна и его статуса «эталонного содержанца» — он временно занимает второе место в моём сердечном рейтинге. Итоги квартальной аттестации — позже.

Тем временем в гримёрке Ши Чжоу был полностью поглощён игрой на телефоне, когда над ним раздался насмешливый голос:

— Ши Чжоу, у тебя наряд совпал с нашим Цзян Суном. Может, снимешь пальто?

Он снял наушники.

— Что?

Он и правда подумал, что ослышался. Молодой господин Ши, куда бы ни пришёл, всегда вёл себя уверенно и с достоинством. Это был первый случай, когда кто-то осмелился выдвинуть к нему столь наглое требование.

— Я говорю: у тебя и у нашего Цзян Суна одинаковые образы! Или переоденься, или сними пальто. Спасибо! — Ассистент смерил Ши Чжоу презрительным взглядом. Как такое ничтожество вообще сюда позвали? Ни брендов, ни контрактов — одни дешёвки.

Голос звучал достаточно громко, чтобы привлечь внимание окружающих. Но подобные сцены были привычны — особенно если объектом нападков становился кто-то вроде Ши Чжоу, из разряда «никто». Большинство просто мельком посмотрело и вернулось к своим делам, попутно наблюдая за развитием событий.

— А кто такой Цзян Сун? — Ши Чжоу выдержал взгляд с тем же презрением, искренне заинтересовавшись, какой у этой плохо выдрессированной шавки хозяин.

Ассистент вытаращился, словно услышал самую нелепую шутку на свете:

— Ты не знаешь Цзян Суна? Хочешь, мы попросим его фанатов устроить тебе разнос на Вэйбо завтра?

Агрессия была явно несоразмерной какой-то там схожести в одежде. Ши Чжоу окинул взглядом комнату — и, конечно, тут же заметил упомянутого Цзян Суна: того самого павлина с застывшим лицом, который делал вид, будто ничего не слышит, пока его прихвостни нападали.

Он ковырялся в телефоне, украдкой поглядывая на Ши Чжоу через зеркало. Было очевидно: это он подбил своего цепного пса на провокацию, чтобы самому понаблюдать за скандалом.

Ши Чжоу одновременно и злился, и посмеивался.

— Цзян Сун? А он, часом, не в императорском драконьем халате? Или теперь всем запрещено

надевать одежду, в которой он уже появился?

Говорил он не громко, но вполне внятно — ровно настолько, чтобы его услышала вся гримёрка.

Цзян Сун прекрасно всё услышал. В его взгляде мелькнуло удивление. Ши Чжоу, которого он знал, был робким, забитым и боялся сказать лишнее слово. Достаточно было повисить на него голос — и он уже готов был разрыдаться.

Но именно этот «пустоцвет», по слухам, использовал подлые и бесстыжие приёмы, чтобы вырвать из рук роль, которая должна была достаться ему.

Обиды было — хоть отбавляй. Тогда, в прошлом, ради этой роли Цзян Сун три ночи подряд спал с тем жирным и отвратительным старикашкой. До сих пор стоило подумать об его жирных складках и вонючем поте — подступала тошнота. И всё зря: в конце концов, роль просто так досталась Ши Чжоу — благодаря связям с Чжэн Ци.

Каждый раз, вспоминая, как его использовали, а взамен он не получил ничего, Цзян Сун начинал люто ненавидеть Ши Чжоу — будто именно тот был виноват во всех унижительных ночах, о которых и думать-то противно.

Но теперь всё изменилось. Ши Чжоу, по слухам, вылетел из числа фаворитов Чжэн Ци, а сам Цзян Сун, благодаря случайному успеху безнадёжного веб-сериала, начал стремительно набирать популярность. Время мести пришло.

Ши Чжоу развёл руками:

— У тебя есть три варианта. Либо смириться, либо тут же сшить себе что-то другое, либо пусть ваше величество снимет свой драконий халат и обойдётся одним свитером.

В разговор вмешался ещё один ассистент:

— Ши Чжоу, не обижайся, что мы тебя предупредили. У нашего брата Цзяна — актуальная модель от кутюр. А у тебя — подделка. Сам себя выставляешь на посмешище.

На Ши Чжоу и правда не было ничего брендового, но он был уверен: если Цинь Яньчэн заказал этот образ специально для него, значит, подвоха быть не могло. Кажется, имя дизайнера тогда даже прозвучало, но было таким странным и труднопроизносимым, что он не запомнил.

Ши Чжоу пожал плечами:

— Неважно. Думаю, вменяемые бренды вряд ли решат, что человек в чёрной водолазке и кремовом тренче кого-то копирует — кроме, конечно, троллей из интернета. А ещё скажу вот что: в том, что на ком-то одинаковая одежда — нет ничего страшного. Стыдно становится только тому, кто в ней выглядит хуже. Надеюсь, после сравнения бренды всё же наберутся смелости признать своё изделие.

С этими словами он вышел из гримёрки, не желая тратить время на бессмысленные препирательства. В конце концов, если тебя укусила собака — обидно, конечно. Но вот в ответ укусить собаку на людях — это уже совсем позор.

Он и не знал, что Цинь Яньчэн сегодня был среди почётных гостей мероприятия. Сообщения о совместном ужине остались без ответа, и Ши Чжоу всё ещё гадал: прочёл ли он их? Поел ли хоть что-нибудь? За последние дни ужины врозь стали редкостью, и теперь Ши Чжоу

чувствовал себя немного не в своей тарелке — будто старый отец, беспокоящийся о своём глупом сыне.

Цзян Сун услышал, как Ши Чжоу хлопнул дверью и ушёл. Он прекрасно понял, что проиграл в этой стычке, но продолжал уговаривать себя: «Он испугался, вот и сбежал».

Кто бы мог подумать, что Ши Чжоу — трус, вечно затыкающийся при малейшем давлении, теперь, потеряв свою единственную крышу в лице Чжэн Ци, осмелится отвечать, дерзить и не сдастся до самого конца, пока на него не обратили внимание все вокруг. Кончилось тем, что посмеялись над ним... или, скорее, над Цзян Суном.

Накопившиеся обиды, старые и новые, вскипели в нём с новой силой. Цзян Сун сжал челюсти — злость переполняла его до такой степени, что он не знал, куда себя деть. Если ничего не сделать — она его разорвёт.

И тогда в голове у него быстро сложился... «отличный план». Он даже усмехнулся.

Авторская заметка: Ненадёжный закулисный комедийный скетч~

Автор: Господин Цинь, говорят, вы обычно не ходите на такие мероприятия. Этот бал особенный?

Цинь Яньчэн: Нет. Просто... в общем, подобные мероприятия — пустая трата времени.

Автор: Ах, но все знают, что делает это мероприятие «особенным». Или — кто.

Цинь Яньчэн: (резко, ледяным голосом) Кто вам разрешил строить догадки?

Автор: ...Вы покраснели, господин Цинь?

Цинь Яньчэн: ...От ярости!

<http://bllate.org/book/12639/1121004>